

Едва они покинули переулок Цзиньфу, Фан Вэньли заметил в туманной дымке прохожих. Он из последних сил выпрямился, убирая руку с плеча юноши.

— Мы уже почти пришли, только не вздумай повернуть назад, — Цинъюй тут же перехватил его ладонь, боясь, что тот и впрямь решит сбежать.

В голове у Вэньли всё плыло, а взгляд застилала мутная пелена. Он попытался высвободить руку и глухо прохрипел:

— На улице слишком много людей.

Тао Цинъюй лишь досадливо цыкнул. Не раздумывая, он снова закинул руку мужчины себе на плечо — да так резко, что Вэньли покачнулся. Учителю ничего не оставалось, кроме как покорно опереться на гээра.

Они укрылись под одним зонтом. Мерный стук капель по натянутой бумаге в унисон вторил неритмичному, лихорадочному биению сердца Вэньли. Он тяжело опустил веки, и его подбородок коснулся рассыпавшихся прядей волос юноши.

— Сяо Юй...

— Я ведь даже не возражаю, так чего ты-то заладил? — Цинъюй упрямо сжал губы. — Иди быстрее, а то совсем мозги расплавятся.

Они торопливо шагали по лужам, брызги летели на сапоги. Вскоре юноша буквально втащил своего спутника в лечебницу семьи Чжоу.

— Брат Цинъюй! — Чжоу Сяолю, стоявший за аптечным прилавком, приветливо помахал рукой.

Цинъюй, подпиривший полубессознательного Фан Вэньли, выпалил:

— Скорее, зови лекаря!

Увидев, в каком состоянии находится их гость, Сяолю перепугался и со всех ног бросился во внутренний двор.

— Брат! Тут больной!

Чжоу Линъи поспешно вышел навстречу. Увидев Вэньли, бессильно повисшего на плече Цинъюя, он сначала подумал, что тот снова взялся за старое, но юноша быстро пояснил:

— Должно быть, простудился. Весь горит, как в огне.

Лицо Линъи мгновенно стало серьёзным.

— Быстрее, неси его в комнату!

После недолгой суеты Цинъюй наконец смог присесть и перевести дух. Чжоу Сяолю, помогавший брату, уселся рядом, тяжело дыша, как загнанный щенок.

— Сколько лет брат Фан к нам не заглядывал, а сегодня вот — пришёл, — пробормотал мальчик.

— Годами не заглядывал? — удивился Цинъюй. — Неужто он совсем не болел всё это время?

Сяолю оперся руками о колени и важно выпрямился:

— Как бы не так! Просто А Сю сам приходил за лекарствами, а потом тайком варил их и заставлял его пить.

— Что за странные привычки, — хмыкнул Цинъюй.

Сяолю рассмеялся:

— Брат говорит про него то же самое.

Немного отдохнув, Цинъюй поднялся.

— У меня ещё дела, так что я пойду. Присмотрите за ним.

Мальчик кивнул, провожая его до дверей. Но стоило юноше уйти, как из палаты выскочил Линъи.

— Где он?

— Ушёл только что.

— Эх, на миг опоздал!

Линъи вернулся в комнату. Фан Вэньли сидел, привалившись к изголовью кровати. Рядом на столике дымилась чаша с отваром — зимой в лечебнице всегда держали запас лекарств от простуды наготове.

Больной сидел с закрытыми глазами, лицо его пылало. Но стоило доктору поднести чашу к его губам, как Вэньли распахнул глаза и метнул на него колючий взгляд.

— Хозяин Сяо Юй ушёл.

Линъи невозмутимо продолжил:

— Но перед уходом он сказал: если он узнает, что ты не выпил лекарство, то больше и знать тебя не захочет.

Доктор замер в ожидании, глядя на реакцию друга. Вэньли перевёл взгляд на дверь, а затем молча взял чашу. Осушив её одним глотком, он отставил посуду и решительно откинул одеяло, собираясь встать.

— Фан Цунлю! — вскипел Линъи, удерживая его на месте. — Лежи смирно! Такая лихорадка шуток не любит!

Вэньли упрямо сжал челюсти и вцепился в одеяло, не желая уступить. Видя это, Линъи крикнул в сторону двери:

— Сяолю! Догони Хозяина Сяо Юя и верни его назад!

— Зачем? — донеслось из коридора.

— Быстро, я сказал!

Линъи почувствовал, как сопротивление ослабло. Он с досадой отпустил край одеяла.

— Ишь, какой гордый! Если с тобой что случится, Хозяин Сяо Юй достанется кому-нибудь другому.

Тем временем Цинъюя на полпути нагнал Чжоу Сяолю. Юноша в недоумении уставился на запыхавшегося мальчишку.

— Вернуться? Что-то случилось?

— Не знаю, брат велел тебя позвать.

Испугавшись, что Вэньли стало хуже, Цинъюй поспешил обратно. Но стоило ему войти в комнату, как он увидел учителя, чинно сидящего на постели. Заметив юношу, тот открыл глаза и молча уставился на него.

Цинъюй быстро подошёл и приложил ладонь к его лбу. Вэньли невольно откинул голову, подставляя прикосновению шею. Кожа его, обычно бледная, сейчас была покрыта нездоровым румянцем.

— Жар спал? — негромко спросил Вэньли. Голос его совсем осип.

— Нет ещё. Зачем меня звали в такой спешке? Что произошло?

Учитель опустил ресницы и осторожно потянул юношу за рукав. Чжоу Линъи, стоявший рядом, тут же взорвался тирадой:

— Да пустяки! Просто этот упрямец отказывается пить лекарства, а как только я велю ему лежать — пытается сбежать! Если не хочет лечиться, пусть идёт помирать домой, нечего мне лечебницу позорить!

Цинъюй всё понял. Обычное непослушание больного. Любого лекаря такое доведёт до белого каления. Но при чём тут он?

Юноша посмотрел на свой рукав, зажатый в длинных пальцах Вэньли. Стоило ему шевельнуться, как учитель склонил голову и прижался горячим лбом к тыльной стороне его ладони.

Цинъюй вздрогнул. Всё как тогда, в ту пьяную ночь.

— Он выпил отвар, теперь ему нужен сон, — бросил Линъи и поспешно скрылся за дверью.

В комнате воцарилась тишина, лишь приглушённый шум улицы доносился сквозь полуоткрытую дверь. Цинъюй стоял неподвижно, а Вэньли так и не убрал головы с его руки.

— Ладно, спи, — наконец сдался юноша.

Учитель не шелохнулся. Цинъюй почувствовал кожей его обжигающее, тяжёлое дыхание. Не говоря больше ни слова, он аккуратно надавил свободной рукой на плечо мужчины, заставляя

его лечь.

Вэньли приоткрыл глаза. Взгляд его был мутным и потерянным, как у брошенного на произвол судьбы котёнка.

— Спи же.

Вэньли послушно опустился на подушки и закрыл глаза. Цинъюй взглянул на свой рукав, который учитель так и не выпустил, и присел рядом на край кровати, поправляя одеяло.

Глядя на этого обычно статного, а теперь беспомощного человека, Цинъюй впервые всерьёз задумался о его странном поведении. Хмельной бред можно было списать на вино, но сейчас лихорадка вряд ли заставила бы его не узнавать людей.

Фан Вэньли вёл себя с ним... слишком близко. Непривычно близко для простого покупателя рыбы. Ведь всё их общение сводилось лишь к торговле.

«Неужели...»

Цинъюй взглянул на лицо Вэньли — даже печать болезни не могла скрыть его благородной красоты — и медленно покачал головой.

«Нет, быть не может»

Но как тогда объяснить этот рукав, который он раз за разом хватает?

Больной наконец заснул, его дыхание стало тяжёлым и хриплым. Цинъюй осторожно разжал его пальцы, но спящий тут же болезненно нахмурился. Поколебавшись, юноша оставил попытки.

Лишь спустя время он аккуратно подоткнул край одеяла под ладонь Вэньли и тихо выскользнул из комнаты. У дверей его уже поджидал Чжоу Линъи.

— Уснул?

— Да. Я пойду.

— И ты даже не спросишь, почему он капризничает, как дитя, и требует именно тебя? — удивился Линъи.

— Дел невпроворот, — отрезал Цинъюй.

Юноша быстро зашагал прочь, а лекарь лишь вздохнул ему вслед.

— Ох, и долгий же путь тебе предстоит, друг мой...

— Брат, а почему он так сказал? — любопытствовал Сяолю.

Линъи отвесил ему легкий подзатыльник:

— Мал ещё, такие вещи знать.

Покинув лечебницу, Цинъюй погрузился в раздумья. Раз Чжоу Линъи так открыто намекнул на причины поведения Вэньли, значит, в этой внезапной близости и впрямь был скрытый смысл.

Юноша невольно вздохнул с облегчением.

«В торговле чем всё чище, тем лучше. Иначе велик риск остаться в убытке»

Приведя мысли в порядок, он вернулся к лотку. Покупателей сегодня и впрямь было немного, площадь перед лавками пустовала. А Сю всё ещё сидел рядом с дядей Синваном. Цинъюй поблагодарил его и отослал обратно в лечебницу, присматривать за хозяином.

— Дядя, как дела?

— Не сравнить со вчерашним, но несколько десятков медяков выручили. Будем стоять до вечера или пораньше двинемся?

Помня о завтрашней большой ярмарке, Цинъюй ответил:

— Пойдём пораньше. Нужно ещё лекаря с собой прихватить.

К полудню оба проголодались. Цинъюй и Тао Синван достали по варёному батату и быстро перекусили, не сводя глаз с товара. После полудня дождь прекратился, и юноша, видя, что торговля всё равно не идёт, решил снова заглянуть к Вэньли и заодно договориться с доктором.

Он застал А Сю, который как раз пытался уговорить хозяина поесть. Стоило Цинъюю войти, как Линъи буквально втолкнул его в комнату.

— Ну что, будет он есть или нет? Скажи ты ему! — Доктор скрестил руки на груди, прислонившись к дверному косяку.

Циньюй в растерянности перевёл взгляд на больного. У Вэньли дернулся кадык.

— Сяо Юй...

Чувствуя на себе три выжидающих взгляда, Циньюй неловко пробормотал:

— Ну... как ты? Получше?

Учитель кивнул. Циньюй заметил в руках А Сю нетронутую чашу с рисовой кашей и мягко добавил:

— Силы нужны, чтобы поправиться. Поешь хоть немного.

А Сю просиял, тут же поставил чашу на стол и выскочил за дверь, увлекая за собой Линъи. Дверь захлопнулась. Оставшись наедине с Фан Вэньли, Циньюй почувствовал себя свободнее. Он присел на табурет и протянул чашу больному.

— Съешь хоть пару ложек.

Вэньли принял посуду и спросил:

— А ты сам-то обедал?

— Давно уже.

Он пришёл за лекарем, а теперь вынужден был следить, как взрослый мужчина ест кашу. Циньюй принялся рассматривать комнату, и его взгляд невольно упал на халат учителя.

— На улице холодно, Учитель Фан, вам бы стоило одеваться теплее.

Вэньли опустил глаза и вдруг тихо спросил:

— Я выгляжу... красиво?

— Вы очень красивы, Учитель. Вам любая одежда к лицу.

Сказав это, Цинъюй замер. Осознав, что ляпнул лишнее, он попытался что-то исправить, но от волнения больно прикусил язык.

— С-с-с!

Вэньли невольно подался вперёд, протягивая руку. В глазах юноши выступили слёзы боли, он замахал руками и, шепелявя, выпалил:

— Ф-фё в пофядке! Ничего фтрафного!

Слеза всё же сорвалась с ресницы и покатила по щеке. Вэньли замер. Он отставил чашу и протянул юноше свой тёплый платок. Цинъюй неловко улыбнулся.

— Не надо, ешь давай.

Он быстро вытер лицо рукавом и бросился вон из комнаты. Какой позор! Подумаешь, похвалил человека, так нет же — язык себе чуть не откусил!

В комнате Фан Вэньли ещё долго смотрел на платок в своей руке. В глазах его светилась нежность — тихая, как гладь озера под легким ветерком. И в этом озере скрылась его маленькая рыбка.

— Раз пришёл в себя, можешь идти домой. А Сю, проследи, чтобы он выпил все эти травы, — напутствовал их Линъи.

Слуга с обречённым видом принял сверток с лекарствами. Фан Вэньли, плотно закутавшись в накидку, стоял рядом с Цинъюем, пока тот договаривался с доктором о выезде в деревню. Губы учителя дрогнули. Линъи тут же разгадал его мысли и, проходя мимо, прошептал:

— И не думай. Ты ещё болен. Не зли Хозяина Сяо Юя.

Вэньли одарил его ледяным взглядом. Линъи лишь усмехнулся:

— Ожил, значит? Ну попробуй, ударь меня.

— Доктор Чжоу? — Цинъюй обернулся, заметив, что лекарь отстал.

— Иду! Возьму с собой супруга, а вы пока сворачивайте лавочку.

А Сю, заметив, как потемнело лицо его хозяина, тихонько отошёл в сторону.

«Доктор Чжоу, поберегите себя»

Деревня Баопин

Когда Чжоу Линъи вышел из комнаты Тао Синъюна, все домочадцы в тревоге повскакали со своих мест.

— Ну что? Он скоро очнётся? — с надеждой спросила Госпожа Цзоу.

Цинь Чжу, держа Цинъюя за руку, тоже во все глаза смотрел на доктора. Линъи покачал головой:

— Больному стало лучше, тело окрепло, но когда он придёт в себя — одному небу известно.

Фан У почувствовал, как сердце камнем рухнуло вниз.

— Но я... я сам видел, как он шевелил пальцами!

— У таких больных судороги в пальцах не редкость, — мягко пояснил Линъи. Заметив, как поникли все присутствующие, и поймав на себе гневный взгляд Цинь Чжу, он добавил: — Но то, что вы с ним разговариваете — это хорошо. Продолжайте в том же духе, возможно, это поможет.

Цинъюй был к этому готов. Лекаря звали больше для успокоения души — лишь бы знать, что отцу не становится хуже. Он протянул доктору плату за выезд:

— Спасибо, что нашли время приехать.

Линъи поначалу отнекивался, но потом принял деньги. Сумерки сгущались, и гостям пора было уходить. Семья Цинь звала молодых к себе на ужин, но Цинь Чжу, едва заметив, как родня косится на его живот, наотрез отказался. Линъи послушно увёл супруга.

Стук копыт затих вдали, повозка скрылась за холмом в вечернем тумане. Возвращаясь домой, Цинъюй проходил мимо дома Цинь и услышал оттуда зычный голос:

— Гээр — что вода пролитая! Ушёл из дома — и о родне забыл, хоть бы словом помог...

Циньюй не стал слушать дальше и ускорил шаг.

Семья Тао

Тао Цинцзя вместе с малышами копали червей за изгородью. Соседние ворота семьи Ю были распахнуты настежь. Цинь Лихуа стояла посреди двора, лениво щелкая семечки, и сверлила Циньюя взглядом.

— Ну что, Юй-гээр, как там твой отец?

Юноша прошёл мимо, бросив на ходу:

— Лучше всех, не беспокойтесь.

Цинь Лихуа сплюнула шелуху и ехидно усмехнулась:

— Что-то не видно, чтобы он по деревне гулял.

Циньюй только открыл свою калитку, как за стеной что-то с грохотом упало.

— Фан У! Лютый ты фулан!

Юноша оглянулся: ворота Ю захлопнулись с таким треском, что пыль столбом поднялась. Цинь Лихуа и след простыл.

— Младший папочка, — улыбнулся Циньюй.

Фан У стоял во дворе с потемневшим лицом.

— Иди, подбери полено, — процедил он.

— Слушаюсь! — юноша лихо перемахнул через забор и вернул снаряд на место. — Папочка, только не ругайся, я быстро.

— Я велел за дровами сходить, а не через стены прыгать, — ворчал Фан У, но лицо его немного смягчилось.

— Больше не буду! — поклялся юноша.

Младшие всё ещё копошились в земле. Цинъюй подошёл к ограде и посмотрел на три маленькие фигурки.

— Зачем вам столько червей?

Малыши подняли на него сияющие глаза:

— У нас теперь цыплята есть!

— Когда это успели?

— Вчера!

— Накопали — и в дом. Нечего за ворота без взрослых бегать.

— Поняли, старший брат!

Почувствовав щекотку у щиколоток, Цинъюй подхватил Сяо Хуана, который вертелся под ногами и жалобно поскуливал, и усадил его на изгородь. Почёсывая пёсика за ухом, он замер, глядя на далекие горы.

Леса стояли в дымке, склоны зеленели молодой хвоей. Могучие деревья мерно качались под ветром, а птичьи стаи прочерчивали небо, словно тушевые мазки. Цинъюй видел это тысячи раз, но всё равно любил этот покой.

Простояв так долгое время, он наконец очнулся. Завтра ярмарка, будет не до созерцания. К ужину двор наполнился запахом лекарственных трав. Юноша дождался, пока братья зайдут в дом, и вдруг услышал за стеной ворчливый голос соседни Ю:

— Вечно этой дрянью воняет, тошнит уже. Хоть бы этот Тао Далан поскорее загнулся...

Бах!

В доме Ю мгновенно воцарилась тишина. Цинъюй недобро посмотрел на их дверь и кивнул брату:

— Цинцзя, сходи, подбери полено.

— Есть, старший брат!

Мальши с хохотом бросились выполнять поручение, а Сяо Хуан, виляя хвостом, понесся следом. Они вернули дрова на место и сложили их под навесом. Поленица за полмесяца заметно поредела. Свежие бамбуковые ветки ещё не просохли и для костра не годились. Цинъюй понимал: как только ярмарочная суета утхнет, нужно идти в лес за хворостом, иначе скоро и обед сварить будет не на чем.

На следующее утро Цинъюй и его дядя Тао Синван ещё до рассвета отправились в уезд. Глядя на довольное лицо дяди, юноша не разделял его радости. Прибыв на место, они увидели именно то, чего он опасался: вся улица была заставлена лотками с кольцами. Даже их привычное место успели занять.

Улыбка на лице Синвана застыла. Этот простодушный человек стоял в полной растерянности.

— Цинъюй... как же так?

— Дядя, давай встанем где-нибудь ещё.

Синван понуро кивнул. Они прошли всю улицу — от начала и до конца. Не только на главной, но и на Восточной, и на Западной улицах — везде стояли забавы с кольцами. У кого-то не было рыбок, но были другие диковинки: куклы, поделки, безделушки.

Все хорошие места были заняты, и Цинъюю пришлось выбрать перекрёсток в боковом переулке. Синван молча расставлял товар. Видя его уныние, юноша подбодрил его:

— Не вешай нос, дядя. Рыбок-то мы всё равно принесли.

— А что потом?

— Посмотрим, как сегодня торговля пойдёт.

Рыбки в белых чашах всё ещё привлекали людей. Стоило одному остановиться, как тут же собиралась толпа. Цинъюй, как и всегда, радушно зазывал прохожих, но все хотели только золотых рыбок. К середине дня все двадцать принесенных рыб закончились.

Юноша наблюдал за конкурентами. Предложений стало слишком много, и за клиентов приходилось бороться. В их неудачном месте без рыбок лоток потерял всякую привлекательность. На главной улице у больших прилавков дела шли куда лучше. Цинъюй специально сходил посмотреть: там предлагали не только игрушки, но и разные украшения, а

вместо рыб были щенки и даже змеи в клетках. Нужно признать, эти торговцы умели привлечь внимание. Кто-то пугался, кто-то любопытствовал — отбоя от людей не было.

— Похоже, это дело пора сворачивать, — подытожил Цинъюй.

В этом году рыбок больше не было, нужно было ждать следующего сезона, чтобы развести новых. А выставлять на кон породистых рыб было попросту невыгодно. Юноша ожидал такого исхода, поэтому хоть и был расстроен, но принял это спокойно.

Они свернулись пораньше. Денег выручили немало, но Синван всё равно не находил себе места. Дома, когда они рассказали обо всём родным, на всех напала хандра. Тао Синлун, вырезавший в это время фигурку, от расстройства чуть не порезал руку.

— Мало ли на свете способов заработать, — утешал всех Цинъюй. — За это время мы и так получили немало.

— Юй-гээр прав, — подал голос Тао Юлян. — Поработали — и хватит, пора и честь знать. Отдохните, скоро всё равно в поле выходить.

Перемена была слишком резкой, и юноша дал семье время привыкнуть. В своей комнате он подсчитал выручку — вышло больше восьми лянов. Неудивительно, что в прошлой жизни эта забава была так популярна — деньги на ней делались легко. Но, как он и думал, это был быстрый заработок, годный лишь для того, чтобы заткнуть дыры в бюджете.

Разделив деньги, он с облегчением вздохнул.

«Хорошо, что на зерно теперь хватит. Семье больше не придётся перебиваться одним бататом»

Все деньги от забавы он отдал в общий котел. Сто лянов, взятых у Фан Вэньли, юноша хранил отдельно — только на лечение отца. Из них осталось ещё больше семидесяти лянов. Долг нужно было возвращать, а значит — нужно снова искать заработок. Да и на мальков в этом году нужны были средства.

Цинъюй смотрел на далекие горы. Кормиться нужно было от земли. Как только суета уляжется, пора идти в лес за добычей.

Январь пролетел незаметно. Цинъюй, послушавшись деда, отдыхал: то грелся на солнышке во дворе, то гулял с братьями по окрестностям, вылавливая мелкую рыбешку и крабов к обеду.

Пришёл февраль. С ним пришло тепло и первое дыхание весны. На груше у пруда набухли

почки, готовые вот-вот взорваться цветом. В щелях стен пробилась сочная трава, которую тут же выщипывали для цыплят. Цинъюй собрал снаряжение, готовясь завтра уйти в горы.

Но в тот вечер в их дверь снова постучали. Цинъюй вышел открывать и увидел на пороге Учителя Фана вместе с Мэн Суцзин. Позади них А Сю нес тяжелые узлы.

— Мэн Суцзин, — поприветствовал он гостью.

Старушка в лазурном халате ласково улыбнулась ему. Юноша впустил их, и взгляд его невольно упал на клетку с парой диких гусей. Он повернулся, чтобы позвать младшего папочку, но Фан Вэньли вдруг перехватил его за запястье. Цинъюй поднял голову.

— Если ты ещё не готов... — негромко произнёс Вэньли.

Цинъюй чуть заметно улыбнулся:

— Ты ведь предупреждал. Я готов.

— Хорошо, — Вэньли с трудом сглотнул и медленно отпустил его руку. Он ждал этого дня слишком долго.

— Тётушка Мэн! Цунлю! Проходите же в дом, — Фан У уже вышел на крыльцо с радостной улыбкой.

Семья Тао, завидев принесенные дары, на миг опешила, но тут же все с радостными улыбками принялись зазывать гостей в дом. Сватовство шло своим чередом, но подробностей Цинъюю слышать не полагалось — их с Вэньли попросту выставили за дверь.

Юноша повел учителя к пруду. Отсюда, с возвышенности, открывался вид на заливные поля. Поля были полны воды, и скоро должна была начаться пахота. Водная гладь отражала чистое небо, словно огромное зеркало. Кое-где плавали утки, лениво перебирая лапами в прозрачной воде.

Они медленно обходили пруд, и Цинъюй старался всячески развлечь гостя. Вэньли шаг за шагом ступал по следам гээра, медленно следуя за ним.

Глядя на его макушку, он спросил:

— Завтра у тебя много дел?

Юноша, заложив руки за спину, кивнул:

— Хочу в горы сходить, посмотреть, что там есть.

— Тогда я приду завтра?

Циньбой рассмеялся. Обернувшись и опершись рукой о ствол груши, он лукаво взглянул на учителя:

— Неужто у вас совсем нет дел?

— Скоро появятся, — мягко ответил Вэньли. — После второго числа ученики начнут возвращаться в академию, и мне придётся вернуться к урокам. Свободного времени будет мало. Я никогда не был в этих горах, может, возьмёшь меня с собой?

— Там полно всякой гадости: змеи, насекомые... Я ведь не гулять туда иду.

Вэньли чуть склонился и осторожно снял соринку с волос юноши.

— Я и не думал, что ты идешь развлекаться. Я умею ставить силки, пригожусь.

Циньбой недоверчиво надул щеки:

— Вы? Умеете?

Учитель улыбнулся. Он спрятал руку в рукав, медленно сжимая её в кулак, всё ещё чувствуя тепло волос гээра.

— Завтра сам увидишь.

Циньбой недолго колебался.

— Ладно. Но в таком наряде в лес нельзя.

— А я в нём... красиво выгляжу? — невзначай спросил Вэньли.

Циньбой прыснул. Глаза его сузились, как молодые листочки ивы.

«Надо же, и учитель не чужд тщеславия!»

Он весело закивал:

— Очень красиво! Во всём уезде Миншуй не сыскать никого, кто сравнился бы с Учителем Фаном. Вам бы и мешок из-под зерна подошёл. Но в лес так нельзя — за ветки цепляться будете.

Вэньли просиял, и взгляд его стал чистым, как горный ручей.

— Хорошо, завтра надену другое.

— Только не берите ничего яркого.

— А ещё? — ласково спросил учитель.

— Рукава должны быть узкими, сапоги — высокими, и лучше всего кожаными!

Вэньли смотрел, как оживился юноша, и улыбка не сходила с его лица.

— Хорошо. Я всё запомнил.

<http://bllate.org/book/15858/1500183>